

Едва занялось утро, а командир эскадрильи капитан Сафонов уже на ногах. Первым делом он хотел провести свой ястребок. Тщательно осмотрел самолёт и, довольный работой техников, направился к командному пункту.

- Товарищ капитан, вас к телефону, - доложил дежурный телефонист.

- Капитан Сафонов слушает. Так... Курсом сто тридцать пять... Понял. Так точно, я сам поведу. Уже отремонтировали!

Не прошло и минуты, как сафоновский истребитель И-16 нёсся по полю, скрываясь в облаке пыли. Сверкало утреннее солнце, и, когда самолёт круто разворачивался, набирая высоту, плоскости и фюзеляж вспыхивали ярким серебристым светом. Этой машины боялись враги. Пленные гитлеровские лётчики в один голос заявляли, что это лучший советский истребитель. Не случайно на фюзеляжах бронированных двухмоторных машин, сбитых нашими лётчиками, были крупно изображены огромные рыжие собаки с самолётом И-16 в зубах. Но не по зубам пришёлся фашистам истребитель Сафонова. Он любил эту маленькую послушную машину, сбил на нём четырнадцать вражеских самолётов разных марок. Поднимаясь в воздух, чувствовал дыхание машины. Ему не приходилось смотреть на приборы, он «видел» их особым чутьём опытного лётчика, безошибочно определял скорость, высоту, слышал работу всех агрегатов. Совершенное знание своего самолёта давало возможность управлять им почти инстинктивно, стремительным, точным ударом сбивать врага с первой атаки. Это – сафоновский удар, сочетающий пылкий задор и дерзкий манёвр с методически точным расчётом.

Другие лётчики эскадрильи быстро набирали высоту вслед за своим капитаном. Шли на перехват самолётов противника. Ведомые плотно пристраивались к сафоновскому истребителю – командир не любил растянутого строя. Никто из них ещё не видел врага, а Сафонов уже заметил фашистские самолёты. Лёгким покачиванием машины с крыла на крыло он подаёт сигнал к атаке. Соколиная стая гвардейцев-сафоновцев ринулась на врага:

Взмывают могучие крылья,

И каждый на подвиг готов.

В атаку идёт эскадрилья

Бесстрашных полярных орлов!

Семь «юнкерсов» уходили на запад, огрызаясь короткими очередями пулемётного огня.

Сафонов бросился на ведущего. Стрелки «юнкерсов» сосредоточили огонь на его машине, но лётчик сманеврировал и снова пошёл к ведущему «юнкерсу» так, что вражеские стрелки не могли вести огонь без риска сбить собственные самолёты.

Сафонов подводил свой истребитель всё ближе. В кабине «юнкерса» он отчётливо видел стрелка-радиста. Фашист давал очередь за очередью. Красные нити трассирующих пуль тянулись к самолёту капитана, проносились немного выше его.

Сафонов ещё медлил открывать огонь, шёл на сближение. Лишь десятки метров отделяли его от «юнкерса». Он дал две-три короткие очереди из своего пулемёта, они легли прямо в кабину. Стрелок смолк, а вражеский лётчик судорожно вертел головой, оглядываясь. Фашист старался уйти от огня, бросал машину из стороны в сторону.

- Вот теперь не уйдёшь! – и Сафонов выпустил длинную очередь по кабине и мотору.

Громадный бомбардировщик, выбрасывая пламя, точно сорвавшись с невидимых нитей,

державших его в небе, стремительно падал вниз.

В «карусели» взмывающих и пикирующих самолётов капитан увидел проносившийся рядом с ним «юнкерс», за которым устремился наш ястребок.

«Не уйдёт! Сейчас мы его достанем!» - и Сафонов нажал гашетку. «Юнкерс» скользнул на правое крыло, завалился на спину и, словно огромная подбитая птица, начал падать на скалы. Оглянувшись, командир увидел, как мастерски, с умением опытных воздушных бойцов, его питомцы расправляются с противником. Ещё три «юнкерса», расстрелянные, падали вниз. Победа!

Эта картина воздушного боя воссоздана по памяти, с небольшой долей авторской фантазии, написана по устному рассказу и подробным рисункам моего отца Владимира Эрнестовича Лепина. Ему довелось служить в легендарном авиаполку имени Бориса Сафонова. После окончания Пермского военного училища морской авиации мой будущий отец был направлен на Северный флот, где проходил службу на военном аэродроме в районе Мурманска. Сюда приехала к нему молодая жена, моя будущая мама Инна Васильевна, выпускница Пермского, тогда Молотовского, медицинского института. И здесь, в заполярном Мурманске, мне суждено было появиться на свет. В нашем семейном альбоме сохранилась фотография красивого мужественного офицера со «Звездой Героя» на груди.

- Кто это, папа? Кто такой Сафонов? – спрашивала я, с интересом разглядывая подпись под снимком: «Будь таким же, как Сафонов!»

- Боевой командир и верный товарищ, настоящий человек! Имя полярного лётчика Бориса Сафонова известно всей стране. Ещё в самом начале войны он стал Героем Советского Союза, в первых грандиозных сражениях открыл счёт своих боевых побед. Полк, в составе которого сражался Сафонов и его славные питомцы, был награждён орденом Красного Знамени. Мне посчастливилось служить в нём, только, конечно, уже после войны...

- На обороте фотографии к тебе лично обращается командование воинской части №49207: «Товарищ Лепин! Люби свою Родину, как любил её Сафонов. Выполняй свой воинский долг, как выполнял его Сафонов. Крепи воинскую дисциплину...» Неужели вы все персонально получили такой завет вместе с его фотопортретом?

- Да, все. Фотографию с завещанием храню всю жизнь. Сохрани её и ты, дочка. Память о сильном человеке, командире эскадрильи, искусном бойце. Его смелый порыв, блестящее мастерство увлекали всех. Таким запомнили его те, с кем Сафонов прошёл большой путь за время войны...

А. КИШКУРНО (ЛЕПИНА)